

А.А.Манухин

Колумбийские герильи и левые режимы Латинской Америки: очерки формирования «квазисоюза»

Статья посвящена отношениям между леворадикальными вооруженными организациями Колумбии и «боливарианскими» странами Латинской Америки. Центральной проблемой является определение форм и целей их сотрудничества в свете исторического развития повстанческих движений в Латинской Америке и за ее пределами. Излагаются история становление колумбийской герильи, а также причины роста сил и влияния двух ее главных участников — Революционных вооруженных сил Колумбии (FARC) и Армии национального освобождения (ELN). Показано, что герильи видели в этом сотрудничестве необходимость обретения поддержки правительств, способных быть противовесом колумбийскому государству. В свою очередь правительства Кубы, Венесуэлы, Эквадора и Никарагуа считали герильи ценным партнером для расширения возможностей влияния на левые силы в масштабах всего региона в рамках боливарианского проекта. Особое внимание уделено посреднической роли левых режимов между властями Колумбии и партизанами в вопросах перемирия, освобождения заложников, а также обеспечения безопасности пограничных районов. Исследование раскрывает эволюцию этого партнерства, указываются причины, по которым оно не переросло в прочный союз и вынуждало его членов нести издержки.

Ключевые слова: Колумбия, партизаны, вооруженный конфликт, боливарианский, Куба, Венесуэла, левые, международные отношения.

DOI: 10.31857/S0044748X0009861-6

Статья поступила в редакцию 07.04.2020.

Алексей Анатольевич Манухин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21/16); старший научный сотрудник Центра региональных проблем Института США и Канады РАН (РФ, 121069, Москва, Хлебный пер., 2\3). E-mail: warcraftdouble@yandex.ru).

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта Российского научного фонда (РНФ) № 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

МЕСТО КОЛУМБИЙСКОЙ ГЕРИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЛЕВОМ ДВИЖЕНИИ

Характер внешних связей левых политических партий, движений и групп претерпевал серьезные изменения в течение длительного времени. Возможно, самым неоднозначным их аспектом можно считать соотношение целей леворадикальных сил, действующих в одной стране, с интересами иностранных государств. Вследствие эволюции политических и философских доктрин, возникновения феномена «третьего мира», а также таких знаковых событий, как Кубинская революция 1959 г. и советско-китайский разрыв, к середине 1960-х годов оформилась концепция насильственного переустройства общества путем партизанских действий [1, pp. 36-37]. Главными причинами распространения повстанческих движений в странах Латинской Америки были кризис «революционно-демократических» альянсов, существовавших между профсоюзами, крестьянским движением и коммунистическими партиями, неудачи реформистских правительств в борьбе с экономическими трудностями, а также усиливавшееся наступление консервативных сил. Наибольший резонанс в регионе вызвала идея «революционного очага» (*foco*) Эрнесто Че Гевары и французского философа и журналиста Режи Дебре. «Фокизм» отчасти питался кубинским опытом партизанской войны, отчасти был вдохновлен упрощенной маоистской интерпретацией победы коммунистической революции в Китае (подъем революционных масс в деревне и последующий захват городов), освободительных войн в Алжире и во Вьетнаме [2, pp. 14-17].

В работах по истории феномена леворадикальных вооруженных движений неоднократно отмечалось, что, несмотря на значительное сходство целей, риторики и методов, интернациональные контакты были непостоянными и зачастую поверхностными. Именно поэтому так велико было значение Кубы как координационного центра, помогающего в приобретении оружия и боеприпасов, обучающего тактике партизанских действий, принципам организации контрразведки, а также в выходе в мировое информационное пространство [3, p. 30-57]. Оценив малые шансы герилий на успех, к началу 1970-х годов кубинское руководство отошло от попыток насаждения «революционных очагов» в Латинской Америке [4, pp. 65-72]. Это не означало, что Куба полностью отказалась от идеи «экспорта революции», что отчетливо видно на примере Сандинистского фронта национального освобождения (*Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN*) в Никарагуа, а также Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти (*Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional, FMLN*) в Сальвадоре. Между тем экономические трудности, которые все больше испытывала Куба, накладывали объективные ограничения на ее возможности играть роль спонсора и «наставника» идеологически родственных сил.

К 1980-м годам под влиянием процессов демократизации, изменения облика «старых» левых партий и партийных коалиций, их переориентации на вопросы прав человека и экологии призывы к партизанским действиям и насильственному решению социальных проблем выглядели анахронизмом. На этом фоне весьма нетипично развивалась ситуация в Колумбии. Две герильи — Армия национального освобождения (*Ejército de Liberación*

Nacional, ELN) и Революционные вооруженные силы Колумбии—Армия народа (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia—Ejército del Pueblo, FARC—EP*, далее *FARC*) — в течение более полувека оказывали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, не прекращая вооруженную борьбу вплоть до наших дней и превратились в важных негосударственных акторов. Несмотря на подписание в 2016 г. исторического мирного соглашения с *FARC*, последствия вооруженного конфликта далеки от преодоления, что делает изучение истории колумбийских гериль в международном контексте актуальным.

На рубеже XX—XXI вв., когда противостояние государства и вооруженной оппозиции в Колумбии достигло небывалого драматизма, Латинская Америка вступила в полосу «левого поворота» или «розовой волны» (*la ola rosada*). Избрание на пост президента Венесуэлы подполковника Уго Чавеса (1999—2013) положило начало приходу к власти в странах региона «левых режимов», предпринявших попытку воплощения в жизнь «боливарианского проекта» на основе идей «социализма XXI века». Главной задачей было сопротивление неолиберализму, капиталистической глобализации и интеграции, которым были противопоставлены механизмы популистской политики государственного интервенционизма и «альтернативной» интеграции на нерыночных принципах. Воплощением этих идей стало создание в 2004 г. Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*) [5, сс. 56-58; 6, сс. 138-143]. Вместе с тем в его деятельности, особенно в масштабах Латинской Америки, отчетливо присутствовала «мессианская» составляющая. Практическим следствием этого был настойчивый поиск союзников, среди которых оказались и повстанческие организации Колумбии.

Необходимо подчеркнуть, что формы и глубина сотрудничества между колумбийскими герильями и «боливарианским интернационалом» недостаточно изучены в отечественной латиноамериканистике. Помимо общих работ по истории внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии [7, с. 163] данный сюжет освещался преимущественно в материалах, касающихся функционирования межамериканских институтов и региональных интеграционных блоков. Констатируется наличие контактов колумбийских партизан с правительствами Венесуэлы и Эквадора, в частности, в ходе кризиса в отношениях этих государств с Колумбией в 2008 и 2010 гг., но подробно они не освещаются [8, pp. 103-105]. Зарубежные исследователи эту тему изучали активно, но в основном в контексте проблем региональной безопасности, наркотрафика и терроризма [9, pp. 410-426; 10; 11, pp. 61-64, 122-132]. Такой угол зрения обусловлен тем, что колумбийские герильи рассматриваются, в первую очередь, как транснациональные криминальные акторы, а не как повстанческие движения. Концепция «наркогерильи», утвердившаяся в западном политическом и академическом дискурсе в 1980—1990-е годы, имеет под собой серьезные фактические основания, учитывая масштабы производства наркотиков в андском и карибском субрегионах, а также вовлеченность в него иррегулярных вооруженных формирований различной идеологической окраски. Тем не менее подход к вопросу лишь с позиций изучения преступности и противостояния ей не поз-

воляет рассмотреть все аспекты взаимодействия «левых режимов» и таких движений, как колумбийские *FARC* и *ELN*.

В данной статье исследование строится на основе теории рационального выбора применительно к международным отношениям, согласно которой каждый участник исходит из наличия объективных целей и интересов, пытаясь добиться их с помощью ряда инструментов [12, pp. 1304-1306; 13, pp. 2-3]. Такое видение не исключает совершения отдельных шагов, вызванных идеологическими установками. Герилья также понимаются как «специалисты в области коллективного насилия», обладающие достаточной структурной целостностью для проведения единой политики [14, pp. 34-36]. При этом их цели выходят за рамки стремления к простому выживанию и преумножению доходов. Задачи данного исследования заключаются в том, чтобы раскрыть уровень взаимной идентификации *FARC* и *ELN* с левыми режимами, мотивы, побудившие последних оказывать политическую и финансовую помощь этим структурам, а также позицию левых режимов в отношении внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии и процесса поиска мирного выхода из него. Хронологически проблема рассматривается от момента зарождения связей левых режимов с колумбийскими герильями на самом активном этапе их развития в 1999—2008 гг. и в период вступления обеих сторон в полосу кризиса в минувшем десятилетии.

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ЭВОЛЮЦИЯ КОЛУМБИЙСКОЙ ГЕРИЛЬИ

Одной из характерных черт политической культуры Колумбии является довольно высокий уровень насилия, которое на протяжении истории страны сочеталась с довольно стабильным состоянием институтов представительной демократии. Эта черта национального развития уже давно привлекает внимание исследователей. В качестве причин чаще всего указывались географические особенности Колумбии, повлиявшие на структуру сельского хозяйства с преобладанием в нем крупных латифундий и небольших семейных плантаций при слабом развитии «смягчающей» роли общин; медленное формирование профсоюзного движения; отсутствие к середине XX в., по сравнению со многими другими крупными странами Латинской Америки, мощных национальных партий реформистского толка, способных оказывать поддержку социально незащищенным слоям населения и направлять протест в мирное русло [15, pp. 169-171, 175; 16, pp. 103-105; 17, pp. 121-122]. К созданию в 1962 г. *ELN* была причастна кубинская «группа по ведению латиноамериканской партизанской войны» во главе с Эрнесто Че Геварой [18, с. 276]. Напротив, *FARC*, возникшие в 1964 г. как боевое крыло Коммунистической партии Колумбии (*Partido Comunista Colombiano, PCC*), первоначально выступали с позиций ортодоксального марксизма. Появилось и несколько десятков других организаций, члены которых придерживались различных взглядов, в том числе разновидностей геваризма, маоизма и троцкизма. Среди них были «Движение 19 апреля» (*Movimiento 19 abril, M-19*), Народная армия освобождения (*Ejército Popular de Liberación, EPL*), Революционная партия трудящихся (*Partido*

Revolucionario de los Trabajadores, PRT), а также индихенистское Движение Кинтина Ламе (*Movimiento Quintin Lame, MQL*) [19, сс. 236-237].

M-19 дольше других поддерживало непосредственный контакт с правительством Фиделя Кастро. Члены организации проходили боевую и политическую подготовку на Острове Свободы. В 1982 г. в ходе операции Центрального разведывательного управления (ЦРУ) и американского Управления по борьбе с распространением наркотиков министерства юстиции (*Drug Enforcement Administration, DEA*) США получили данные о схеме, по которой Куба снабжала *M-19* оружием и боеприпасами через колумбийских наркоторговцев, лично знавших некоторых членов *M-19*. По оценке авторов доклада, представленного американскими спецслужбами, такое нетипичное поведение Гаваны свидетельствовало о попытке сохранить влияние на партизанские движения в условиях постепенного сближения повстанческой и криминальной деятельности [20]. Наконец, боевики, выжившие во время громкого теракта по захвату Дворца правосудия в Боготе в 1985 г., по итогам переговоров *M-19* с правительством получили убежище именно на Кубе.

Американский исследователь Джеймс Рохлин применительно к Колумбии указывал на то, что *FARC*, при всей их мощи и гибкости, еще на этапе своего становления совершили ошибку, сделав ставку почти исключительно на военные методы борьбы, вопреки рекомендациям Гаваны [21, pp. 90-98]. Негативное влияние на развитие внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии оказало размежевание *PCC* и *FARC*, произошедшее после того, как в 1980 г. вооруженная группа формально отделилась от коммунистов. Руководство компартии скептически оценивало шансы на успех вооруженной кампании против колумбийской государственности [18, с. 281]. Оно также осуждало «грязные» методы, все чаще используемые *FARC*. В первую очередь речь шла о террористических актах и похищении людей, а также о явном сближении партизан с набиравшим силу наркобизнесом. В 1987 г. *FARC*, *ELN* и *EPL* сформировали Координационный партизанский центр имени Симона Боливара (*Coordinadora Guerrillera Simón Bolívar, CGSB*), который был призван усилить политическую составляющую борьбы, в частности, упрочить связь партизан с подпольными городскими ячейками. Соперничество между организациями, отсутствие четкого представления о какой-либо общей цели не позволили им понастоящему объединиться [22, pp. 30-31].

Создание в 1985 г. партии Патриотический союз (*Unión Patriótica, UP*) из представителей широкого спектра левых сил, включая демобилизовавшихся партизан, не положило конец насилию, а, напротив, породило всплеск террора со стороны правоконсервативных сил против ее активистов. Жертвами покушений пали кандидаты от *UP* на президентских выборах 1986 и 1990 гг. Хаиме Пардо и Бернардо Харамильо. К принятию новой Конституции 1991 гг. демобилизовались *PRT* и *MQL*, большинство членов *M-19* и *EPL*. Однако перспектива восстановления мира была отодвинута на неопределенный срок из-за провала трудных переговоров между правительством и *FARC*, которые проходили при президентах Белисарио Бетанкуре (1982—1986) и Сесаре Гавирии (1990—1994). *ELN* в основ-

ном занимала выжидательную позицию, оценивая выгоды и риски от прекращения вооруженной борьбы [23, сс. 66-75].

В течение 1990-х годов герильи, преодолевая внутренние разногласия, не только сохранили жизнеспособность, но вели боевые действия еще активнее. Используя недостатки контрповстанческой стратегии колумбийских армии и полиции, *FARC* сковывала их действия. Произошло усиление правых радикалов: в 1997 г. возникли Объединенные силы самообороны Колумбии (*Autodefensa Unida Colombiana, AUC*). Партизаны и «парамилитарес» боролись друг с другом и с силами безопасности, во многих районах подменяя собой государство. Соседние страны начали испытывать на себе последствия конфликта. Главными из них были деятельность иррегулярных формирований на их территории, которые использовали приграничную зону общей протяженностью в 6 тыс. км для перегруппировки, теневой экономической деятельности, а также растущее число беженцев. Венесуэла, Эквадор, Перу, Панама и Бразилия были вынуждены принять меры по усилению военного присутствия на границе и организовать помощь беженцам [24]. Колумбийская проблема начала приобретать признаки гуманитарной катастрофы.

ПОЯВЛЕНИЕ «ЧАВИСТСКОГО» ФАКТОРА В КОЛУМБИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ

«Боливарианизм», понимаемый как патриотизм и национализм, получил распространение среди латиноамериканских левых сил разного происхождения еще в 1970—1980-е годы. В 1987 г. в целях объединения перед лицом противников из правого лагеря ряд колумбийских повстанческих организаций, включая *FARC*, сформировали Координационный партизанский центр имени Симона Боливара (*Coordinación Guerrillera Simón Bolívar, CGSB*). У.Чавес и члены Революционного боливарианского движения (*Movimiento Bolivariano Revolucionario, MBR-200*), созданного им в 1982 г., «генетически» были куда ближе к «прогрессивным» военным режимам Хуана Веласко Альварадо (1968—1975) в Перу и Омара Торрихоса (1968—1981) в Панаме, чем к партизанам из сельвы. В то же время во взглядах основателей «левых режимов» было немало элементов «классической» левой идеологии, в том числе воспринятых непосредственно от участников венесуэльского левого движения 1950—1960-х годов, а также лидеров Кубинской революции [25, с. 202]. В силу этого, а также объективного фактора в виде протяженной и трудноконтролируемой границы колумбийские герильи неизбежно становились ключевым фактором в отношениях двух стран.

Два соседних государства имели немалый опыт совместного разрешения трансграничных противоречий и международных конфликтов. Так, в 1983 г. они вошли в состав Контадорской группы по разрешению Центральноамериканского регионального конфликта; в 1991 г. Венесуэла выступала гарантом мирных переговоров правительства Колумбии и *FARC*. В 1994 г. два правительства создали Двустороннюю комиссию по вопросам пограничных территорий (*Comisión Binacional de Fronteras, COMBIFRON*), основными задачами которой был обмен разведывательными данными о перемещениях повстанческих групп и выработка мер по оказанию помо-

щи [26]. Вооруженные силы были подчинены гражданскому контролю и не претендовали на роль протагонистов, что было нетипично для большинства стран Латинской Америки. Правительство Венесуэлы неоднократно позволяло колумбийской армии пересекать границу, преследуя партизан.

Приход к власти в Венесуэле Движения за пятую республику (*Movimiento Quinta República, MQR*) во главе с У.Чавесом в 1999 г. привнес в отношения с Колумбией существенные изменения, хотя и не сразу. Так, венесуэльский лидер практически сразу же стал подвергать колумбийские власти критике за «дестабилизацию» вследствие притока беженцев [27, р. 537]. В приграничных территориях часто наблюдались случаи, когда венесуэльские власти, полиция и военные вынуждали беженцев возвращаться в родные места в Колумбию, которые они покинули, спасаясь от «парамилитарес» [28]. Осложнение отношений двух стран пришлось на очередную попытку Колумбии сесть за стол переговоров с *FARC*, предпринятую администрацией Андреса Пастраны (1998—2002). Возникло все больше поводов для обвинений другого правительства в нечестной игре, связанных с преступной и повстанческой деятельностью. Уже на одной из своих первых пресс-конференций У.Чавес высказался в пользу предоставления *FARC* статуса воюющей стороны. Министерство иностранных дел Венесуэлы смогло направить инцидент в конструктивное русло после протеста Колумбии. Тем не менее в дальнейшем ситуация только усугублялась. В августе 1999 г. группа, предположительно состоявшая из членов *FARC*, захватила пассажирский самолет, позднее передав заложников министру внутренних дел Венесуэлы Игнасио Аркайе, а потом переложила ответственность на неизвестных лиц [39]. У.Чавес уже в первый год своего президентства встретился с одним из членов Секретариата и руководителем Международного фронта (*Frente Internacional*) *FARC* Раулем Рейесом (настоящее имя — Луис Эдгар Девиа Сильва) и достиг устной договоренности о возможном оказании в будущем поддержки партизанам, хотя пока без каких-либо конкретных условий [30].

По оценке военной разведки США У.Чавес лишь поддерживал видимость заинтересованности в сотрудничестве с Колумбией и шел на сближение с Кубой. Правительство Венесуэлы и не оказывало прямой финансовой или разведывательной поддержки партизанам, но позволяло им беспрепятственно действовать в приграничных областях [31]. Каракас отказывался от созыва *COMBIFRON*, на чем настаивала Богота. Постепенно взаимодействие вооруженных сил, полиции и высшего руководства Венесуэлы с партизанами стало регулярным, что создавало трудности не только для Колумбии, но и для самих чавистов, поскольку в тот период процесс подчинения всех ветвей государственного аппарата их контролю находился на начальном этапе. В среде военных и сотрудников разведывательной службы (*Dirección Nacional de los Servicios de Inteligencia y Prevención, DISIP*) открыто выражалось недовольство тем, что новое правительство благоволит колумбийским партизанам. В июне 2000 г. бывший директор *DISIP* Хесус Урданета обвинил президента и председателя Конституционной ассамблеи Луиса Микилену, «ветерана» венесуэльских левых XX в. и одного из «наставников» У.Чавеса, в спонсировании *FARC* на сумму в 300 тыс. долл. и создании препятствий аресту фарковцев. У.Чавес отверг обвинения

в финансировании *FARC*, равно как и проведение закулисных переговоров с ними [32].

Противники У.Чавеса в среде силовиков способствовали утечкам информации о сотрудничестве *FARC* с правительством, которое предоставило агентуре фарковцев офисы в здании партии *MQR* в столице, а также оказывало партизанам помощь в поимке и выдаче венесуэльских граждан, воевавших в Колумбии на стороне *AUC*. Между тем официальный Каракас каждый раз уходил из-под огня критики, либо ввиду недостаточных доказательств, либо из-за серьезных противоречий, содержащихся в предъявляемых обвинениях [33]. Таким образом, сближение с колумбийской герильей стало одним из катализаторов размежевания между старым политическим классом Венесуэлы и новым поколением гражданских управленцев и военных из рядов сторонников У.Чавеса.

Войдя в состав «международной группы друзей» Колумбии, в 2001 г. Венесуэла стала одной из площадок переговоров между уполномоченными колумбийского правительства и делегацией *FARC* во главе с Р.Рейесом, совершавшей «тур» по мировым столицам в поисках защиты своих позиций. На протяжении 2001 г. У.Чавес несколько раз посещал Боготу с рабочими визитами, в ходе которых представители венесуэльского бизнеса встречались с колумбийскими коллегами для решения вопросов увеличения товарооборота. У.Чавес озвучивал свое намерение выступить посредником в переговорах с *ELN* и подчеркивал, что не считает партизанские организации своими «врагами». Правительство Венесуэлы установило специальную зону, на которой могли производиться обмены заложников из числа сотрудников полиции и армии на партизан [34]. При этом Каракас всячески подчеркивал независимость своих действий. Так было, когда в феврале 2001 г. один из членов верховного командования *ELN* Хосе Мариа Баллестас, ранее участвовавший в угоне самолета в Колумбии, был арестован на территории Венесуэлы, но позднее отпущен на свободу. После неоднократных протестов Боготы последовал повторный арест Баллестаса, который позднее был экстрадирован в Колумбию [35]. Впрочем, судьбу мирных переговоров решила не внешняя поддержка, оказанная партизанам, а ошибочность избранного правительством Пастраны метода их ведения. Согласие на создание обширной демилитаризованной зоны (*despeje*), получившей известность как «Фаркландия», привело к восстановлению сил герильи и постоянному срыву переговоров. В марте 2002 г. они были прекращены по инициативе правительства. Колумбийский конфликт вступал в новую стадию, в рамках которой «боливарианское» влияние становилось более значимым.

В мае 2002 г. на президентских выборах в Колумбии победил Альваро Урибе (2002—2010). Опытный политик из рядов *PL* баллотировался как независимый кандидат, что во многом предопределило его ключевую роль в дальнейшем развитии правоцентристского крыла политического спектра страны. Политическая программа А.Урибе сочетала в себе призывы к восстановлению мира в стране путем наступления на позиции лево-и праворадикальных формирований с повышением благосостояния и социальной защищенности населения Колумбии. Несмотря на отсутствие глубоких перемен к лучшему, решительная позиция президента в отношении воору-

женного конфликта и осуществленные реформы обеспечили ему высокую популярность [36, сс. 19, 21, 27-29]. Ядром курса А.Урибе было осуществление политики «демократической безопасности», главными составляющими которой были увеличение расходов на обучение и оснащение армии, полиции и спецслужб, а также принуждение иррегулярных формирований к переговорам о разоружении и демобилизации с последующим переходом к реинтеграции в мирную жизнь [37]. Важным результатом, хотя и не раз подвергавшимся критике за непоследовательность и излишнюю мягкость, была (в 2006 г.) демобилизация АУС. «Демократическая безопасность» осуществлялась в рамках реализации «Плана Колумбия» (*Plan Colombia*), разработанного в годы президентства Пастраны при содействии и беспрецедентном финансировании со стороны США.

К концу 2002 г. в отношениях Колумбии и Венесуэлы как будто началось потепление. У.Чавес нанес визит в Боготу, достигнув договоренности с А.Урибе о новом торговом соглашении и обещав попутно восстановить работу *COMBIFRON*. Однако на протяжении следующего года этого не произошло, напротив, партизаны и «парамилитарес» продолжали пользоваться приграничными венесуэльскими территориями как важным звеном в логистике ведения боевых действий [38]. На этом фоне пропаганда идей «боливарианской» солидарности крайне раздражала колумбийские власти. Наиболее ярким проявлением этой линии Каракаса стало создание Континентального координационного центра им. Симона Боливара (*Coordinadora Continental Bolivariana, CCB*) при участии колумбийских левых активистов [39].

На втором Народном боливарианском конгрессе в Каракасе в декабре 2004 г. присутствовал Родриго Гранда, новый «министр иностранных дел» *FARC*, венесуэльский гражданин, обвиняемый в Колумбии в ряде преступлений. Колумбийские спецслужбы провели операцию по его захвату и переправке через границу, предположительно, прибегнув к помощи подкупленных венесуэльских полицейских. Ордер на его арест был выдан Интерполом лишь в начале января 2005 г. [40]. У.Чавес объявил о прекращении действия всех двусторонних торговых и иных соглашений до принесения колумбийской стороной официальных извинений. Богота сослалась на недопустимость для любого государства действий по «активному или пассивному укрывательству террористов», призвав вынести вопрос на обсуждение группы из латиноамериканских стран [41].

«Инцидент Гранда» свидетельствовал о том, что проблема трансграничной гериллы создавала трудности и политические издержки как для Колумбии, так и для Венесуэлы, но ситуация не выходила за пределы «конфликтного партнерства». Однако активизация международных контактов *FARC* усиливала убежденность колумбийских властей и их американских коллег в том, что чависты сделали ставку на их использование в качестве одного из главных агентов по объединению латиноамериканцев вокруг «боливарианской» идеи. В докладе поверенного в делах посольства США в Колумбии Мильтона Дракера отмечалось, что во всем регионе не менее восьми «послов» *FARC* обеспечивают приток средств, снабжение оружием и боеприпасами, а также устанавливают связи с дружественными политическими движениями.

ми с целью «экспорта революции». Венесуэла рассматривалась в докладе как главная опора организации в регионе, на втором месте располагалась Куба, которая, тем не менее, ограничила контакты с *FARC* после усиления военной кампании против них администрацией А.Урибе. Эквадор, несмотря на попытки властей пресечь деятельность партизан на своей территории и произведя арест и выдачу ряда лидеров, включая Симона Тринидада (Рикардо Палмера Пинеды), с трудом справлялся с влиянием партизан, прежде всего, в силу легкости незаконного пересечения границы [42].

«БОЛИВАРИАНСКИЙ ФРОНТ» НА СТОРОНЕ ГЕРИЛЬИ? ЛЕВЫЕ РЕЖИМЫ В РОЛИ ПОСРЕДНИКОВ В ПЕРИОД ПОЛИТИКИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Несмотря на воинственную риторику, официальное определение *FARC* и *ELN* террористами и выставление им жестких условий сдачи, А.Урибе и его окружение понимали важность и неизбежность ведения переговоров при иностранном посредничестве. Для этого они были готовы взаимодействовать с любыми силами и правительствами, способными оказать влияние на герилью. В апреле 2002 г. У.Чавес сумел удержать власть в ходе попытки переворота против него. Чависты приступили к интенсивному воплощению в жизнь своих доктринальных установок по построению «боливарианского социализма», ограничению свободы деятельности политической оппозиции и переориентации внешней политики страны. Быстрое налаживание прочных экономических и политических связей с Кубой привело к возникновению «оси Гавана — Каракас» в региональных международных отношениях, в которой первая вновь взяла на себя роль «политического наставника», а возрастающий антиамериканизм У.Чавеса привел к более активной поддержке левых сил в Латинской Америке. Избрание левых президентов в Боливии (2006 г.), Эквадоре (2007 г.), возврат сандинистов к власти в Никарагуа (2007 г.) привели к тому, что в региональном масштабе чависты обрели, как минимум, моральную поддержку в лице нескольких государств.

В конце 2005 г. переговоры с правительством Колумбии начала *ELN*. «Старшая» из двух колумбийских герильи уже давно испытывала серьезные финансовые и организационные трудности, отчасти связанные с децентрализованной структурой, соперничеством между отдельными командами и проигрышем *FARC* в борьбе за источники доходов, и она могла, по расчетам Боготы, проявить податливость на переговорах. Особенно выгодным представлялось проводить их с каждой из повстанческих организаций по отдельности, поскольку на местном уровне *ELN* значительно страдала от военных столкновений с *FARC*, которые убивали тогда едва ли не больше ее бойцов, чем колумбийские силовики [43]. Правда, по тем же причинам руководители *ELN* оказывались более подверженными внешнему влиянию в тактических вопросах, в частности, в готовности сложить оружие. Гарантами переговоров стала группа представителей организации гражданского общества «Дом мира» (*Casa de Paz*), а также правительства Испании, Швейцарии и Норвегии, которые ее финансировали. Ко-

лумбийскую правительственную делегацию возглавлял Верховный комиссар по делам мира Луис Карлос Рестрепо. Местом проведения переговоров стала Куба.

Государства-гаранты настаивали на последующем переносе переговоров в Европу, поскольку Куба «представляла прошлое». Сама *ELN* считала иначе, настаивая на необходимости проведения переговоров именно в Гаване, чтобы «продемонстрировать признательность за былые услуги». Укрепление позиций левых и левоцентристов в Латинской Америке выглядело в глазах ее лидеров как шанс на скорую «либерализацию политического пространства» в Колумбии, что сделает возможным легализацию и участие в выборах [44]. Уже к началу второго этапа переговоров в апреле 2006 г. Куба, первоначально заявившая о том, что не желает играть активную роль, попросила о своем участии. По свидетельству норвежского поверенного в делах Сигурда Эндресена, хозяева переговоров настаивали на том, чтобы условием любого соглашения был переход к диалогу с *FARC*. Подобное условие не устраивало не только колумбийцев и европейских гарантов, но и *ELN*. Глава ее делегации Франсиско Галан, на время переговоров освобожденный из тюрьмы, в беседах с С.Эндресеном отмечал, что сближение с более мощной организацией снизит шансы на завоевание доверия в среде колумбийских неправительственных организаций. Пытаясь противопоставить одних членов высшего командования другим, кубинцы отчасти добивались своих целей. Например, верховный главнокомандующий *ELN* Антонио Гарсиа несколько раз менял свою позицию с компромиссной на более жесткую [45].

Несмотря на протесты кубинского МИД, незадолго до начала третьего тура переговоров в конце апреля 2006 г., участники на некоторое время вернулись в Колумбию. Не только европейцы, но и *ELN* считали дальнейшее их продолжение на Кубе деструктивным. А.Гарсиа, проживавший в эмиграции в Венесуэле, выразил желание вернуться в Колумбию и подчеркнул, что ставить судьбу переговоров в зависимость от интересов *FARC* рискованно. Нарочито строгие меры предосторожности, принятые кубинцами (так, они настаивали на употреблении лишь консервированных продуктов из-за угрозы отравления) раздражали их «подопечных» [46]. Несомненно, одним из ключевых факторов, влиявших на позицию *ELN*, были президентские выборы в Колумбии в мае 2006 г. В результате референдума большинство граждан высказались за внесение в Конституцию страны поправки о возможности президента переизбираться на второй срок. Высокий рейтинг А.Урибе делал его явным фаворитом президентской гонки. Перспектива продолжения жесткой политики государства в отношении партизанских движений вынуждала их идти на уступки, пусть даже тактического характера. Уверенная победа А.Урибе на выборах превратила ожидания в реальность. Четвертый раунд переговоров, состоявшийся в октябре 2006 г. в Гаване, начинался при повестке, подготовленной в основном стараниями правительства Венесуэлы, заинтересованной в том, чтобы повысить свой авторитет в глазах *ELN*, в том числе из внутривнутриполитических соображений. Благодаря работе венесуэльских дипломатов ее руководство согласилось в принципе не выходить из переговоров. Кубинцы не оказывали на *ELN* давления в плане отказа от переговоров, но и не выражали готовности побу-

доть их пойти на прекращение огня [47]. Несмотря на это, к осени 2007 г. переговорный процесс зашел в тупик.

Ситуация осложнялась тем, что для Каракаса приоритетным было вывести развитие переговоров на два «трека», постаравшись синхронизировать работу с *ELN* и *FARC*. При участии Франции Колумбия и Венесуэла в 2007 г. достигли так называемого соглашения о «гуманитарном обмене», об учреждении механизма освобождения заложников, удерживаемых партизанами, с определением соответствующих территорий в пограничных районах. Роль посредника в диалоге двух стран взяла на себя не скрывавшая чавистских симпатий левая сенатор от *PL* Пьедад Кордоба. Центральной проблемой было требование *FARC* о предоставлении демилитаризованных зон, которое в основном поддерживалось У.Чавесом. Этот сценарий категорически отвергался Боготой, равно как и идея встречи на территории Колумбии венесуэльского президента и Мануэля Маруланды (Педро Антонио Марина) — главы Секретариата *FARC* и одного из отцов —основателей организации, а также вариант открытия в Каракасе официальной «штаб-квартиры» *FARC*. Советник А.Урибе Хосе Обдулио Гавириа указывал на необходимость не только ограничивать свободу действий венесуэльского президента, но и нейтрализовать «союз» между ним и сенатором П.Кордобой. При этом Х.Гавириа подчеркивал, что У.Чавес далеко не во всем поддерживал *FARC*, так как их незаконная деятельность в приграничных зонах создавала Венесуэле немало проблем [48].

Важно, что ни У.Чавес, ни А.Урибе не были намерены трансформировать «гуманитарный обмен» в процесс достижения мирного соглашения с герильей. В Боготе считали, что венесуэльский президент хочет, чтобы его планы по обмену заложников были поддержаны латиноамериканскими и европейскими странами, рассчитывая на экономические преференции, укрепление режима и проведение институциональных реформ. В то же время, по данным Л.К.Рестрепо, сохранение атмосферы тесного сотрудничества с *FARC* рассматривалось У.Чавесом как необходимый инструмент влияния на «леворадикальные» элементы недавно созданной им Единой социалистической партии Венесуэлы (*Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV*). У.Чавес также считал возможным использовать фарковцев на случай агрессии США против Венесуэлы силами «контрас», по никарагуанскому сценарию в 80-х годов [48]. Пограничные и гуманитарные вопросы переплетались с далеко идущей региональной политикой. В конце 2007 г. президент Венесуэлы предложил провести личную встречу А.Урибе и М.Маруланды, а также пытался проводить непосредственные переговоры с представителями верховного командования колумбийских вооруженных сил — действия, вызвавшие негативную реакцию А.Урибе. Два лидера обменялись обвинениями во «лжи», «цинизме» и нежелании реального установления мира в Колумбии, с одной стороны, и намерении «поджечь континент», опираясь на доходы от нефтяного экспорта, — с другой [49]. «Гуманитарный обмен», пускай и в меньших масштабах, чем на то рассчитывало международное сообщество, состоялся на рубеже 2007—2008 гг., когда при посредничестве У.Чавеса и содействии Международного комитета Красного Креста была проведена операция «Эммануэль».

Интересно, что в сложившемся к тому времени блоке боливарианских стран по вопросу о событиях в Колумбии возникло своеобразное распределение ролей. Венесуэла и Куба выступали в основном как посредники на переговорах, давая международному сообществу гарантии выполнения партизанами своих обязательств. Президент Эквадора Рафаэль Корреа (2007—2017) делал примирительные заявления. Лидер Никарагуа Даниэль Ортега (2007—н/в), напротив, следовал в публичном пространстве жесткой «революционной» линии. В декабре 2007 г. он обратился с призывом к «братьям» из *FARC* освободить И.Бетанкур. Лидер сандинистов заявил, что «ее смерть ухудшит позиции героического сопротивления», дав карты в руки «преступнику и империалистическому прислужнику» Урибе [50]. В январе 2008 г. У.Чавес вновь поднял вопрос о признании *FARC* и *ELN* воюющей стороной и предложил исключить их из списков террористических организаций, аргументируя это тем, что в новом статусе им придется соблюдать Женевскую конвенцию и отказаться от похищения людей. По словам У.Чавеса, организации представляли собой «настоящие армии», у которых был «политический проект — боливарианский проект, который здесь уважают». Национальная ассамблея Венесуэлы приняла соответствующую резолюцию [51, р. 222]. Данный эпизод вызвал неблагоприятную реакцию в мире и был осужден большинством стран Латинской Америки и Европейского союза.

Этот имиджевый ущерб был несопоставим с последствиями «операции Феникс», осуществленной колумбийскими вооруженными силами в начале марта 2008 г. Вторжение сухопутных войск и нанесение ударов с воздуха по базе *FARC* в Ангостуре (труднодоступный район на границе колумбийского департамента Путумайо и эквадорской провинции Сукумбиос) привели к гибели, в числе прочих, Р.Рейеса, продолжавшего играть роль главного международного «связного». Эта местность на «пористой» границе уже давно превратилась в зону регулярных перемещений партизан, наркомафии и «парамилитарес», чему способствовали смешанный состав населения и «мирное сосуществование» местной легальной и теневой экономик [52, pp. 242-245]. В руках колумбийских военных и спецслужб оказались компьютеры с данными об агентурной сети, тайных операциях и международных связях организации за много лет. Среди них были те, что содержали сведения о сотрудничестве с *FARC* У.Чавеса, Р.Корреа и, в меньшей степени, Д.Ортеги и президента Боливии Эво Моралеса (2006—2019).

По сообщению министерства обороны и министерства иностранных дел Колумбии, Богота намеревалась использовать полученные документы как козырь, постепенно передавая их «неправительственной организации, не связанной ни с правительством Колумбии, ни с правительством США», и организуя утечки в прессу [53]. Такой организацией стал Международный институт стратегических исследований (*International Institute for Strategic Studies, IISS*) в Лондоне, позднее опубликовавший данные в виде аналитического доклада [54]. «Инкриминирующее» значение захваченных документов вызывало сомнения [55]. Интерпол охарактеризовал их как «не содержавшие следов редактирования», хотя отмечалось, что обращение с ними колумбийского правительства не отве-

чало необходимым стандартам по предоставлению электронных данных для проведения расследования [56].

Во многих документах содержались сведения о консультациях между *FARC*, Каракасом и Кито по выработке подхода к освобождению заложников, включая указание на вред, который мог нанести обмен И.Бетанкур (позднее она была освобождена колумбийской армией в ходе спецоперации). Внешнеполитическая стратегия стран *ALBA* также была частым сюжетом. В частности, существовали планы по сближению Эквадора с Китаем, Вьетнамом и КНДР, прекращение сдачи в аренду США военно-воздушной базы Манта — шаг, на который Кито действительно пошел в 2009 г., тем самым способствовав усилению американского военного присутствия в самой Колумбии [57]. Речь шла и о намерении *FARC* зондировать почву в рядах Демократической партии США ввиду высоких шансов на электоральный успех Барака Обамы на предстоявших президентских выборах, поскольку тот якобы откажется от поддержки «Плана Колумбия» и подписания с Боготой соглашения о свободной торговле (против которого активно пытался бороться У.Чавес) [58]. Были обнародованы следующие данные: *FARC* предоставила У.Чавесу 150 тыс. долл. для попытки (неудачной) совершения переворота в Венесуэле в 1992 г.; Каракас обещал выделить 300 млн долл. для перевооружения партизан; велись работы по подготовке «всеобщего восстания» в рамках региона и проведению съезда всех руководителей [59, р. 186]. Имелись свидетельства о выделении средств на предвыборную кампанию Р.Корреа в 2006 г. Впрочем, из документов следовало, что в рамках сотрудничества чавизма и *FARC* имели место серьезные конфликты и весьма циничный политический расчет. В качестве примера можно привести арест и выдачу Колумбии, приуроченные к встрече У.Чавеса и А.Урибе, тех партизан, которым ранее была предоставлена свобода перемещения по территории Венесуэлы [60].

Каждый из боливарианских лидеров отрицал причастность к незаконной деятельности *FARC*. Венесуэла, Эквадор и Никарагуа приостановили дипломатические отношения с Колумбией. Вскоре конфликт был несколько сглажен при содействии Организации американских государств (ОАГ) и Группы Рио, саммит которой признал действия Колумбии оправданными. Тем не менее Эквадор полностью восстановил отношения с Колумбией лишь в 2010 г. Д.Ортега предоставил убежище нескольким выжившим в ходе атаки на лагерь Рейеса партизанам [9, р. 416]. «Файлы *FARC*» стали серьезным препятствием для восстановления той сравнительно выигрышной позиции, которую боливарианские режимы ранее занимали по отношению ко всему вооруженному конфликту в Колумбии.

На рубеже первых двух десятилетий XXI в. обстановка в Колумбии претерпела серьезные изменения. За счет проведения политики «демократической безопасности» государству удалось полностью взять инициативу в свои руки. В 2010 г. президентом был избран Хуан Мануэль Сантос (2010—2018), который занимал пост министра обороны в предшествующей администрации А.Урибе и имел непосредственный опыт руководства

контрповстанческими действиями. Не отказываясь от решительного вооруженного наступления на позиции гериллы, Х.М.Сантос и его команда подчеркивали необходимость возобновления переговоров о мире. Смерть в мае 2008 г. многолетнего лидера *FARC* М.Маруланды поставила вопрос о необходимости обновления управленческой и идеологической основы организации — задачи, с которыми она справилась не вполне успешно. В 2010—2011 гг. в ходе проведения военных операций были ликвидированы несколько членов секретариата, включая Альфонсо Кано (Гильермо Леон Саенс Варгас), преемника М.Маруланды. Многие авторитетные лидеры движения добровольно сдались властям, другие проживали в эмиграции и были оторваны от основных сил, рядовые участники также все чаще дезертировали. Сменивший А.Кано Тимолон Хименес (Родриго Лондоньо Эчеверри) понимал необходимость достижения компромиссов. Что же касается *ELN*, то ее материальная база была во многом подорвана, а численность уменьшилась до нескольких тысяч человек.

В 2011—2012 гг. администрация Х.М.Сантоса в атмосфере секретности начала подготовку к переговорам с *FARC* при посредничестве Кубы и Норвегии. В октябре 2012 г. они перешли в открытый формат и проходили в Гаване вплоть до августа 2016 г. Администрация Б.Обамы (2009—2017) была заинтересована в том, чтобы объединить задачи обновления политики в отношении Кубы и развязывания «колумбийского узла». Госсекретарь Джон Керри лично принял участие на решающей стадии переговоров в Гаване. 24 ноября 2016 г. между правительством Колумбии и *FARC* было подписано окончательное соглашение, по которому они соглашались на прекращение боевых действий, демобилизацию и включение бывших партизан в мирный процесс.

Венесуэла и Чили выступала на переговорах в роли наблюдателей, однако теперь роль Венесуэлы была куда менее заметной, чем ранее. Античавистская оппозиция и иностранные правительства считали близость Каракаса к колумбийским гериллам одной из составляющих образа «наркодиктатуры». Блок *ALBA* ослабевал вследствие изменения региональной и глобальной конъюнктуры, а также сокращения субсидий со стороны Венесуэлы. В 2017—2019 гг. он пережил дезинтеграцию. Новый президент Эквадора Ленин Морено (2017 — н/в) постепенно отходил от тесного сотрудничества с Венесуэлой и Кубой, и в 2018 г. страна заявила о выходе из *ALBA*. Мирные переговоры, начатые правительством Х.М.Сантоса в Кито с *ELN* еще при Р.Корреа в 2016 г., позднее пришлось перенести на Кубу, так как новое правительство отказалось предоставлять им «площадку». В феврале 2019 г. после громких терактов в Боготе сменивший Х.М.Сантоса на посту президента представитель консервативных сил Иван Дукэ (2018 — н/в) прервал переговоры.

История отношений колумбийских леворадикальных организаций с «левыми режимами» отражает несколько показательных процессов. Гериллы в Колумбии сохранились как своего рода «эндемик» из-за глубокой пропасти, отделявшей интенсивную модернизацию страны, успехи ее диверсифицированной экономики от кричащего социального неравенства, элитарности политической культуры и отсутствия воли к решению локальных проблем. Превращение гериллий в транснациональных акторов, вклю-

чение в информационное общество и освоение теневых источников дохода обусловило их сближение с теми правительствами, для которых они могли стать одним из рычагов давления на конкурирующие страны, а также повышение собственной значимости в региональном и глобальном масштабе. «Боливарианский интернационал» был во многом импровизационным проектом, что накладывало отпечаток и на подход к установлению сотрудничества с «идейно близкими» партиями, движениями и государствами. «Квасисоюз» с колумбийскими герильями, возникший в 2000-е годы, не приобрел характер конструктивного сотрудничества именно из-за отсутствия ясных долгосрочных целей. При очевидности того, что распространение партизанских движений или победа левых сил в масштабе всей Латинской Америки невозможны, у этого «квасисоюза», как и у самого сопротивления колумбийских партизан, не было будущего. Предоставляя политическую поддержку и (реже) выступая в роли донора, левые режимы неизбежно идентифицировали себя с интересами партизан, что, в конечном счете, не соответствовало реальности, особенно с учетом сильно различающихся возможностей каждой из боливарианских стран. В эпоху, когда партизанские движения больше не могли претендовать на роль конструктивного двигателя перемен, они становились для любого левого правительства лишь «попутчиком». Усиливая радикальную составляющую боливарианской «альтернативы», сотрудничество с герильями создавало больше неудобств, чем преимуществ, дискредитируя левую идею в регионе и в мире.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Katsiaficas G. The Imagination of the New Left. A Global Analysis of 1968. 2nd ed. Boston, South End press, 1987. 322 p.
2. Martín Álvarez A., Rey Tristán E. La dimensión transnacional de la Izquierda armada. *América Latina hoy*, Salamanca, 2018, vol. 80, pp. 9-28.
3. Gleijeses P. Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959—1976. Chapel Hill, North Carolina University press. 552 p.
4. Harmer T. Two, Three, More Revolutions? Cuba and the Prospect for Revolutionary Change in Latin America, 1967—1975. *Latin American Perspectives*, Cambridge, 2013, vol. 45, N 1, pp. 61-89.
5. Пятаков А.Н. Латиноамериканская грань мирового альтерглобализма. Свободная мысль, М., 2007, № 7, сс. 56-65 [Pyatakov A.N. Latinoamerikanskaja gran' mirovogo al'terglobalizma [The Latin American Edge of the World Alter-globalism]. *Svobodnaya mysl'*, Moscow, 2007, N 7, pp. 56-65] (In Russ.).
6. Варенцова О.В. Постмарксистский политический проект и левый популизм. Политическая наука, М., 2013, № 4, сс. 134-145 [Varentsova O.V. Postmarksistskij politicheskij proekt i levij populism [The Post-Marxian Political Project and Left Populism]. *Politicheskaja nauka*, Moscow, 2013, N 4, pp. 134-145] (In Russ.).
7. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М., ИЛА РАН, 2017. 452 с. [Ivanowski Z.V. Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabilnosti i novye vozmozhnosti [Political Conflicts in Latin America: Challenges to Stability and New Opportunities]. Moscow: ILA RAS, 2017. 452 p.] (In Russ.).
8. Pyatakov A.N. Asociaciones de integración latinoamericanas en la solución de los conflictos regionales del siglo XXI. *Iberoamérica*, Moscú, 2018, N 1, pp. 97-119.
9. Transnational Organized Crime / Ed. by M. Beare. New York, Routledge, 2013. 607 p.
10. Salgado Tamayo M. Drogas, terrorismo e insurgencia. Del Plan Colombia a la Cruzada Libertad Duradera. Quito, Ediciones La Tierra, 2002. 420 p.
11. Rabasa A. et al. Beyond Al Kaida: the Outer Rings of the Terrorist Universe. Santa Monica, RAND Corporation, 2006. 216 p.

12. Powell R. Absolute and Relative Gains in International Relations Theory. *American Political Science Review*, Cambridge, 1991, Vol. 85, Issue 4, pp. 1303-1320.
13. Bueno de Mesquita B. Foreign Policy Analysis and Rational Choice Models. *Compendium Project*, 2010, pp. 1-29.
14. Buttenwieser J.L., Tilly Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, Cambridge University press, 2003. 276 p.
15. Le Grand C. The Colombian Crisis in Historical Perspective. *Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies*, Kelowna, 2003, vol. 28, N 55/56, pp. 165-209.
16. Cartier W.J. Civic Movements and Politics in Colombia. *Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies*, Kelowna, 1987, vol. 12, N 24, pp. 103-120.
17. Nazih R. Colombia: Predatory State and Rentier Political Economy. *Labor, Capital, and Society*, Halifax, 2010, vol. 43, N 2, pp. 119-141.
18. Хейфец В.Л. Наследники «виоленси»: эволюция FARC в 1990-е годы. Латиноамериканский исторический альманах, М., 2019, № 21, сс. 274-287 [Kheifets V.L. Nasledniki «violensii»: jevoljucija FARC v 1990-e gody [The Heirs of “La Violencia”: the FARC’s Evolution in the 1990s]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, Moscow, 2019, N 21, pp. 274-287 (In Russ.).
19. Ивановский З.В. Колумбия: государство и вооруженная оппозиция. Латиноамериканский исторический альманах, М., 2011, № 11, сс. 234-258 [Ivanowski Z.V. Kolumbiya: gosudarstvo i vooruzhennaya oppoziciya [Colombia: the State and the Armed Opposition]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, Moscow, 2011, N 11, pp. 234-258] (In Russ.).
20. Digital National Security Archive: Colombia and the United States: Political Violence, Narcotics, and Human Rights, 1948—2010 (далее DNSA). Available at: https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa_cd?accountid=108701 (accessed: 17.04.2020). Central Intelligence Agency. A Conference Report. GI 82-10169. Cuban Involvement in Drug Trade and Terrorism. August 1982.
21. Rochlin J.L. Vanguard Revolutionaries in Latin America: Peru, Colombia, Mexico. London, Lynne Rienner Publishers, 2003. 293 p.
22. Lee Ch. FARC and the Colombian Left: Time for a Political Solution? *Latin American Perspectives*, Cambridge, 2012, vol. 39, N 1, pp. 28-42.
23. Чумакова М.Л. Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира. М., ИЛА РАН, 2002. 292 с. [Chumakova M.L. Kolumbijskaya drama: razlom obshestva, eskalaciya terrora, poiski mira [The Colombian Drama: Schism of Society, Escalation of Terror, Search for Peace]. Moscow: ILA RAS, 2002. 292 p.] (In Russ.).
24. Gottwald M. Protecting Colombian Refugees in the Andean Region: the Fight Against Invisibility. United Nations High Commissioner on Refugees (UNHCR). Working Paper 81. Caracas, UNHCR, 2003. Available at: <https://www.unhcr.org/3e71f2014.pdf> (accessed: 13.04.2020).
25. Розенталь Д.М. Традиции Коминтерна в идеологии и практике Боливарианской Республики Венесуэла. Латиноамериканский исторический альманах, М., 2019, № 23, сс. 200-212 [Rozenal' D.M. Tradicii Kominterna v ideologii i praktike Bolivarianskoj Respubliki Venesujela [Comintern’s Tradition in the Theory and Practice of the Bolivarian Republic of Venezuela]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, Moscow, 2019, N 23, pp. 200-212] (In Russ.).
26. Colombia y Venezuela miran a sus fronteras. El Tiempo. 12.05.1994. Available at: <https://www.eltiempo.com/archivo/documento/MAM-125293> (accessed: 13.04.2020).
27. Watson C.A. Civil-Military Relations in Colombia: A Workable Relationship or a Case for Fundamental Reform? *Third World Quarterly*, London, 2000, vol. 21, N 3, pp. 529-548.
28. Colombian Refugees in Venezuela Intimidated to Return. Paramilitary Offensive Endangers Lives. Human Rights Watch. 27.06.1999. Available at: <https://www.hrw.org/news/1999/06/27/colombian-refugees-venezuela-intimidated-return> (accessed: 13.04.2020).
29. DNSA. U.S. SOUTHCOM Executive Summary 223-99. P. 18. 11.08.1999.
30. Venezuela’s Chavez ‘Held talks with FARC Rebel’. BBC News. 16.03.2010. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/8571232.stm> (accessed: 13.04.2020).
31. DNSA. U.S. Department of Defense Report 990600. Colombian Military and Insurgency. August 1999.
32. DNSA. U.S. Embassy in Caracas. Doc. Num. 2000CARACA01940.
33. DNSA. U.S. Embassy in Caracas. Doc. Num. CARACA00259.
34. DNSA. U.S. Embassy in Bogota. Doc. Num. 2001BOGOTA04478.

35. Caso Ballestas. Globovisión. 27.12.2001. Available at: https://web.archive.org/web/20151016204319/http://www.urrut.org/papers/200103_CasoBallestas_Globovision.htm (accessed: 13.04.2020).
36. Ивановский З.В. Колумбия: от демократической безопасности к демократическому процветанию. Латинская Америка. М., 2011. № 5, сс. 18-38 [Ivanowski Z.V. Kolumbiya: ot demokraticeskoy bezopasnosti k demokraticeskomu procvetaniyu [Colombia: From Democratic Security to Democratic Prosperity], *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2011, N. 5, pp. 18-38] (In Russ.).
37. Presidencia de la República. Ministerio de Defensa Nacional: Política de Defensa y Seguridad Democrática. Available at: <https://www.oas.org/csh/spanish/documentos/Colombia.pdf> (accessed: 14.04.2020).
38. DNSA. U.S. Department of State. Relations with Venezuela. Doc. Num. 200302482.
39. La Coordinadora Continental Bolivariana no es una organización clandestina, es un movimiento político-social público. Kaosenlared. 26.07.2009. Available at: <https://kaosenlared.net/la-coordinadora-continental-bolivariana-no-es-una-organizaci-n-clandestina-es-un-movimiento-pol-tico-social-p-blico/> (accessed: 14.04.2020).
40. La captura de un líder de las FARC enfrenta a Colombia y Venezuela. El País. 13.01.2005. Available at: https://elpais.com/diario/2005/01/13/internacional/1105570818_850215.html (accessed: 14.04.2020).
41. DNSA. U.S. Embassy in Bogota. Colombian-Venezuelan Dispute: A State of Play from Bogota. Doc. Num. BOGOTA000555.
42. WikiLeaks. Cablegate: The Public Library of U.S. Diplomacy (далее: WikiLeaks). Available at: [https://wikileaks.org/plusd/?qproject\[\]=cg&q=Colombia#result](https://wikileaks.org/plusd/?qproject[]=cg&q=Colombia#result) (accessed: 17.04.2020). U.S. Embassy in Bogota. The FARC's International Tentacles. 15.09.2005. Canonical ID 05BOGOTA8696a.
43. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. Guarantors Brief Ambassador on GOC—ELN Talks in Cuba. 12.12.2005. Canonical ID 05BOGOTA11459a.
44. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. ELN and Cuban Thinking on the Eve of the Third Round of Explanatory Talks. 11.04.2006. Canonical ID 06BOGOTA3252a.
45. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. GOC—ELN Talks Resume in Havana. 26.04.2006. Canonical ID 06BOGOTA3701a.
46. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. GOC Peace Commissioner Skeptical of FARC and ELN Commitment to Peace Processes. 12.10.2006. Canonical ID 06BOGOTA9402a.
47. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. Chavez Faces Tough Job Negotiating Humanitarian Exchange with the FARC. 12.09.2007. Canonical ID 07BOGOTA6649a.
48. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. GOC Reiterates Rules of the Game for Chavez and the FARC. 19.09.2007. Canonical ID 07BOGOTA6881a.
49. Chávez y Uribe se dijeron de todo. Página 12. 23.11.2007. Available at: <https://www.pagina12.com.ar/diario/elmundo/4-95285-2007-11-26.html> (accessed: 15.04.2020).
50. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. Nicaragua Urges FARC “Brother” to Release the Hostages. 27.12.2007. Canonical ID 07BOGOTA8661a.
51. Wilmshurst E. The International Law and Classification of Conflicts. Oxford, Oxford University press, 2012. 568 p.
52. Forero J.E., Stoller R. State, Illegality and Territorial Control: Colombian Armed Groups in Ecuador under Correa Government. *Latin American Perspectives*, Cambridge, 2016, vol. 43, N 1, pp. 238-251.
53. WikiLeaks. U.S. Embassy in Bogota. Colombia's Strategy to Exploit Info from FARC on Venezuela and Ecuador. 27.03.2008. Canonical ID 08BOGOTA1145a.
54. The FARC Files: Venezuela, Ecuador, and the Secret Archive of ‘Raul Reyes’. London, The International Institute for Strategic Studies, 2011. 240 p.
55. Colombia and Venezuela. The FARC Files. 22.05.2008. The Economist. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2008/05/22/the-farc-files> (accessed: 15.04.2020).
56. Colombian FARC Rebels' Links to Venezuela Detailed. BBC. 10.05.2011. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-13343810> (accessed: 15.04.2020).
57. El Tiempo. 27.05.2008. Available at: <http://www.eltiempo.com/conflicto/noticias/ARCHIVO/ARCHIVO-3983275-0.pdf> (accessed: 15.04.2020).
58. El Tiempo. 27.05.2008. Available at: <http://www.eltiempo.com/conflicto/noticias/ARCHIVO/ARCHIVO-3983273-0.pdf> (accessed: 15.04.2020).

59. Nelson B.A. The Education of Hugo Chavez: Unraveling Venezuela's Revolutionary Past. *The Virginia Quarterly Review*, 2011, vol. 87, N 2, pp. 174-187.

60. Venezuela, Ecuador Heavily Implicated in New Study of FARC Files. Colombia Reports. 10.05.2011. Available at: <https://colombiareports.com/venezuela-ecuador-heavily-implicated-in-new-study-of-farc-files/> (accessed: 15.04.2020).

Alexey A. Manukhin (warcraftdouble@yandex.ru)

PhD (History), Senior Research Fellow at the Centre of Political Studies, Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

115035 Moscow, Bolshaya Ordynka str. 21, Russian Federation;

Senior Research Fellow at the Centre of Regional Problems, Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

121069, Moscow, Khlenby per. 2/3, Russian Federation.

Colombian Guerrillas and Latin American Left Regimes: the Sketch of Building a "Quasi-Alliance"

Abstract. The article examines relations between the Colombian left-wing radical organizations and Latin American "Bolivarian" countries. Its core object is to determine the forms and goals between them in the light of historical experience of the development of rebel movements in Latin America and beyond. The rise of the Colombian guerrilla, with the reasons of strength and influence of the two main components, the Revolutionary Armed Forces of Colombia (the *FARC*) and the National Liberation Army (*ELN*) is outlined. It is shown that guerrillas vied the cooperation as a necessity to obtain support from the governments able to serve as a counter-weight for Colombian state. Meanwhile, the government of Cuba, Venezuela, Ecuador, and Nicaragua considered them valuable partners for spreading the outreach to the left forces throughout the region as part of the Bolivarian project. Special attention is paid to the mediation of the left regimes between the Colombian authorities and the guerrillas in the issues of armistice, liberation of hostages, as well as security in the border areas. The research reveals the evolution of this partnership, highlighting the reasons of its failure to become a firm alliance while bringing liabilities to the members.

Key words: Colombia, guerrillas, armed conflict, Bolivarian, Cuba, Venezuela, left, international relations.

DOI: 10.31857/S0044748X0009861-6

Received 07.04.2020.